У Линь Фана отвисла челюсть. Потом он чрезвычайно напрягся, посмотрел на Маю как на что-то очень хрупкое — вазу на высоком и тонком пьедестале — и сглотнул. Девочка была вся бледная, и лишь глаза её сверкали безумными огнями, — а может это так падал свет от костра, чёрт его знает, — но мужчина на всякий случай сделал шаг назад.

Оставалось примерно тридцать секунд пока барьер не прорвут. Мало времени. Настолько мало, что теперь уже двадцать восемь, двадцать семь... Мужчина заговорил глубоким и спокойным голосом:

— Только не глотай... Не вздумай глотать...

Мая, со щёчками, набитыми как у тушканчика, осторожно кивнула. Вдруг дом задрожал ещё сильнее. Линь Фан едва не потерял равновесие и не свалился с ног. Девочка дёрнулась и чуть не упала.

— Так, давай я сейчас... — мужчина, опираясь на кровать, попытался придумать что-нибудь, чем бы ему отвлечь ребёнка, заинтересовать её, чтобы пока она мешкает подобраться к ней, наброситься и легонько хлопнуть по шее, — заставить выплюнуть драгоценные пилюли. Но когда мужчина уже подбирал слова, и когда оставалось всего пятнадцать секунд, прежде чем формация снаружи бы треснула, Линь Фан вдруг заметил кое-что: как ребёнок до белых костяшек сминает свои руки. Мужчина увидел это, и вдруг он понял, что и проблески упёртости на её бледном лице, и пламя в её чёрных глазках, всё это... Всё это было от отчаяния.

Вот почему её глаза так сверкали, хотя пламя было у неё за спиной, — потому что ребёнок сдерживал в них океаны слёз.

Линь Фан приоткрыл губы, но промолчал. Он поднялся на свои кривые ноги, и сказал, выдыхая и сдерживая боль:

— Ладно...

— мМ? — девочка похлопала ресничками.

— Ты победила говорю, ладно, — устало произнёс мужчина, и отметил, что остаётся всего семь секунд.

— Буду учить тебя, если так хочешь.

Сперва Мая ничего не поняла, так это было внезапно, — но постепенно до неё дошёл смысл сказанного, и бледное личико девочки засияло как звёздочка, так ярко, что Линь Фану даже захотелось поморщиться:

— Благода- ...хва! — она заговорила, и одна пилюли вырвалась у неё изо рта. Линь Фан бросился вперёд, словил её, — одна секунда, — быстро и неважно протёр о свой рукав и закинул себе в рот.

Раскусил.

И одновременно девушка в чёрном за границей дома отвела руку, которой пилила барьер. Она осмотрела белый купол перед собой своими серыми глазами и занесла чёрное лезвие над головой. Секунда, и рука девушки полетела вниз. Раздался лёгкий хлопок. Купол посыпался и стал таять. Запутанные письмена на земле вспыхнули в последний раз и погасли.

Рука девушки застыла; а потом она снова её отвела, снова замахнулась и снова ударила в направлении бетонного домика. Страшная сила была сосредоточена в этом ударе, ещё немного и от дома остались бы одни руины, как вдруг... Лезвие опять встало. Как будто снова врезавшись в нерушимый барьер.

Девушка приподняла взгляд. Перед нею, возвышаясь на целую голову, а то и на полторы, стоял мужчина в грязной рубахе. Он держал чёрное лезвие крепким как тиски хватом. Девушка, совершенно не изменившись в лице, попыталась шагнуть назад. Не вышло. Её тело только дёрнулось, как будто она была куклой на ниточках. Мужчина держал её крепко. Но вдруг он её отпустил, и не успела девушка пошевелиться, как мощнейший удар пришёлся ей в живот; её согнуло надвое, раздался грохот, и она с шумом и ветром пролетела насквозь целую массивную гору мусора. А потом вдруг ей на лицо опустилась голая нога, и девушка врезалась в землю и ушла даже немного под землю, на несколько сантиметров. А потом был ещё один удар, и она ушла ещё глубже, и ещё, и ещё...

Линь Фан топтал её несколько секунд; потом он остановился и присмотрелся. У него под ногами вздымалось серое облако дыма; мужчина прищурился, и вдруг из этого дыма вырвался чёрный клинок и прошёлся ему прямо по щеке. Линь Фань шагнул от него в самый последний момент, а потом вскинул руку и девушка, стремительно вскочившая на ноги, напоролась обоими глазами на его вытянутые ножницами пальцы...

...

...Приближалось утро, первые лучи солнца освещали грязную, заваленную хребтами мусорных гор свалку. Вытягивались длинные тени, а на лугу звучало пение журавлей, перебиваемое ещё очень далёким и почти неразличимым грохотом. Вдоль шоссе шли трое ребят. Двое были очень рослыми, мускулистыми и вообще удивительно похожими друг на друга, — третий был немного пониже, но тоже очень внушительным для своего возраста. Это был Лян Чао, и лицо его в свете раннего солнца было таким кислым, как будто на завтрак он съел целый лимон.

— Кто бы сомневался, алкаш живёт на помойке, — пробурчал юноша, в ответ на что его бугаи вместе закивали. Но не засмеялись, слишком раннее было время, чтобы смеяться. Его кузены всё ещё были сонными, в то время как сам Лян Чао был скорее бодрым, но очень хмурым.

Юноша был крайне рассержен и недоволен. Ибо по приказу школьной директрисы, а затем ещё и своего отца, его заставили идти извиняться перед тем никчёмным учителем, которого он тогда избил. Лян Чао находил такое положение дел чрезвычайно несправедливым. В конце концов этот поганый алкаш сам на него полез. С чего это он, настоящий, полнокровный дворянин из клана Четвертого ранга должен теперь просить у него прощения? Сам факт этой несправедливости злил Лян Чао намного больше, чем то, что ему приходилось самым ранним утром переться, причём на своих ногах, ибо в качестве наказания он теперь именно так был обязан добираться в школу, а не на машине, на проклятую помойку.

А то что алкаш жил на помойке — это вообще была какая-то дурная шутка.

Юноша был так взбешён, что у него даже не было желания язвить, когда он встретит этого старика. Ему просто хотелось покончить совсем и поскорее отсюда убраться.

И вот Лян Чао шёл, недовольно хмурился, как вдруг утреннее щебетание, репетиция птичьего хора, тоже чрезвычайно раздражительные для юноши, прервал какой-то грохот со стороны свалки.

— Что там ещё такое? — вспылил юноша и недовольно посмотрел на горы мусора.

- Рабочие, может это — разумно предположил один из его Бугаев, на что Лян Чао только поморщился.

— Не важно, пошли, — сказал он и уже было побрёл дальше, как вдруг грохот повторился, только ещё громче, и отдалённая гора мусора вдруг развалилась. А потом прогремело ещё раз, даже ещё громче, и развалилась ещё одна гора, уже немного ближе. Юноша растерялся и вместе со своими кузенами уставился на мусорные хребты. И тут с поистине громовым треском обвалилось самое ближайшее нагромождение. Раздался свист, и в нём появилась дыра, как будто кто-то пустил через него пушечное ядро. Гора стала валиться и складываться.

Само же чёрное «ядро» впечаталась в небольшой склон возле лестницы на помойку.

Мальчишки переглянулись и побежали посмотреть. Они сбежали по лестницы и посмотрели на склон. Затем все юноши разом охнули. Они увидели создание наподобие девушки, впечатанное в гору. Именно наподобие, а не конкретно девушку, потому это существо походило не столько на кого-то живого, сколько на побитую куклу. У девушки не было одного глаза, не было одной ноги и руки. Всё её тело, обтянутое облегающим чёрным материалом, было во вмятинах как будто оставленных чьими-то кулаками — проглядывался рельеф пальцев. Лян Чао разинул рот.

И тут юношу пробрал холодок. Он до белизны в костяшках сжал ограждения лесенки, а его ладони стали сочиться холодным потом. Всё потому что девушка, а вернее сказать создание в форме девушки, мимолётно обратило на него свой огромный и холодный как луна в зимнем небе глаз. Одного её взгляда хватило, чтобы Лян Чао понял, что это существо одним своим движением могло стереть и его, и даже его отца, в порошок. Своей силой оно было сравнимо с его дедушкой, старейшиной клана. У мальчишки затряслись зубы.

А потом в его голове точно молния мелькнула, и он немедленно уставился назад, туда, откуда девушка собственного прилетела. И сразу там появилось какое-то копошение: в густом облаке пыли стал проявляться чей-то силуэт. Рослые мальчишки уставились туда же. Сердце Лян Чао бешено забилось в груди. Юноша, как и все его ровесники, больше всего в мире уважал могучих воинов. И потому он трепетал, воображая воина, который был настолько сильнее даже этого страшного монстра, что смог довести его до такого состояния. Кто же это мог быть? Неужели на этой помойке обитали настолько сильные культиваторы? Может это был таинственный мастер, который живёт в затворничестве? Лян Чао сгорал от нетерпения и хотел поскорее увидеть великого воителя своими глазами…

http://tl.rulate.ru/book/52126/1348027